

- Київ: Вид-во Акад. наук Укр. РСР, 1909. – 564 с.
- Слцр** Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі: у 2 т. Т.1. / Пад рэд. Е.С.Мяцельскай; Уклад.: З.А.Зяневіч і інш. – Мінск: Універсітэцкае, 1990. – 287 с.
- СнарлАН** Юрчанка, Г.Ф. Сучасная народная лексіка: 3 гаворкі Мсціслаўшчыны: Слоўн. А–Н / Г.Ф.Юрчанка. – Мінск: Беларуская навука, 1993. – 304 с.
- СнарлРЯ** Юрчанка, Г.Ф. Сучасная народная лексіка: 3 гаворкі Мсціслаўшчыны: Слоўн. Р–Я / Г.Ф.Юрчанка. – Мінск: Беларуская навука, 1998. – 351 с.
- Тсл1** Тураўскі слоўнік. У 5-ці т. Т.1./ Склад. А.А. Крывіцкі, Г.А. Цыхун, І.Я. Яшкін. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 255 с.
- Тсл2** Тураўскі слоўнік. У 5-ці т. Т.2./ Склад. А.А. Крывіцкі, Г.А. Цыхун, І.Я. Яшкін. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 271 с.
- Тсл3** Тураўскі слоўнік. У 5-ці т. Т.3. / Склад. А.А. Крывіцкі, Г.А. Цыхун, І.Я. Яшкін. – Мінск: Навука і тэхніка, 1984. – 311 с.
- Тсл4** Тураўскі слоўнік. У 5-ці т. Т.4./ Склад. А.А. Крывіцкі, Г.А. Цыхун, І.Я. Яшкін. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – 360 с.
- Тсл5** Тураўскі слоўнік. У 5-ці т. Т.5./ Склад. А.А. Крывіцкі, Г.А. Цыхун, І.Я. Яшкін. – Мінск: Навука і тэхніка, 1987. – 423 с.

Савіцкая І.І. (Мінськ, Білорусія)

Словари И. Носовича и Б. Гринченко как выразители этнического самосознания

Лексикографічныя джэсеры выступаюць історычнымі й культурнымі дэтэрмінантамі нацыянальнай мовнай свідомасці ў перыяд фармування нацыі і нацыянальнай мовы, пасілюючы роль літаратурнай мовы ў процэсі павышэння этнічнай і дзяржаўнай самасвідомасці.

Ключовыя словы: *нацыянальная мова, лексикографічныя джэсеры, нацыянальная самасвідомасць.*

Лексикографічныя крыніцы выступаюць історычнымі і культурнымі дэтэрмінантамі нацыянальнага мовнага свідомасці ў перыяд складывання нацыі і нацыянальнага мовнага свідомасці, узмацняючы роль літаратурнага мовнага свідомасці ў процэсе павышэння этнічнага і дзяржаўнага самасвядомасці.

Ключевые слова: *национальный язык, лексикографические источники, национальное самосознание.*

Lexicographic sources act as historical and cultural determinants of national language consciousness during folding the nation and a national language, strengthening a role of a literary language during increase of ethnic and state consciousness.

Key words: *national language, lexicographic sources, national consciousness.*

Нация – тип этноса, исторически возникшая социально экономическая и духовная общность людей, характеризующаяся общностью территории, **языка**, экономических связей, психологического склада населения, культуры и **самосознания**. Одним из источников изучения и одновременно средством кодификации национального литературного языка является национальная лексикография в её ранний словарный период, который обычно знаменуется

изданием значительного по количественному отбору и роли в становлении языковой системы лексикографического труда – словаря национального языка, который выполняет функцию выразителя национального самосознания носителей языка.

Сопоставление культурно-исторической специфики восточнославянской лексикографии периода становления нации представляется актуальным для этнологической теории, а также при исследовании исторической лексикографии восточнославянских языков. Подобная проблематика исследовалась ведущими восточнославянскими лексикографами и историками лексикографии – Т. Кульчицкой [4], А. Плотниковой [5], П. Горецким [2], М. Гулицким [3] и др. Целью статьи является анализ внеязыковых и внутриязыковых факторов, влияющих на формирование и роль национальной лексикографии в конкретный исторический период. Результаты исследования затронут как вышеупомянутые факторы, так и систематизацию национально-культурной составляющей в национальных словарях восточнославянских языков.

Становление национального языка невозможно без выработки единых языковых норм. Этот процесс имеет как общие для разных наций черты (функционирование кодифицированных норм в роли культурно-социального маркера, выборочный характер кодификации, сокращение разрыва между кодифицированной нормой и узусом, углубление стилистической вариативности норм [1, 25]), так и различия, обусловленные философией и стилем эпохи, в которую происходил процесс образования нации, спецификой социальной структуры общества этой нации, своеобразием системы образования на различных этапах исторического развития [1, 26], иными словами, особенностями историко-культурного процесса в стране.

Украинский язык прошёл две стадии развития: староукраинский язык (XIV – середина XVIII в.в.) и современный украинский язык (с конца XVIII в.). Современный белорусский язык как высшая форма национального языка начал складываться позже – в XIX в. – по причине определённых социальных и исторических факторов. Эти факторы обусловили разные хронологические рамки и количественные показатели украинского и белорусского национальных словарей.

Одним из наиболее авторитетных украинских национальных словарей можно считать «Словарь української мови» Б.Д. Гринченко (1-4 тт., 1907-1909 гг., около 70 тысяч слов). Этот украинско-русский словарь охватывает лексику украинского языка периода конца XVIII в. (от И. Котляревского) до 1870 г., изредка попадают лексемы из произведений украинских писателей до 90-х гг. XIX в. Для реестровой части и иллюстрации её употребления словарь использует также сборники народного творчества М. Максимовича, А. Метлинского и другие лексикографические наработки того времени (например, «Опыт русско-украинского словаря» М. Левченко, 1874 г. и др.). К украинскому реестру приводятся русские слова-эквиваленты либо описательное толкование по-русски. При украинских реестровых ботанических и зоологических названиях указываются латинские соответствия. При многочисленных лексемах словарь приводит примеры употребления определённого слова в литературном языке или в живой народной речи. Кроме

того, Б. Гринченко придерживается (правда, не совсем последовательно) принципа документации представленных слов, т. е. при иллюстрациях из литературных источников указывает автора, страницу из произведения либо местность, в которой слово было записано. В то же время словарь не приводит к украинским словам их стилистической характеристики. Тем не менее, словарь Б. Гринченко заложил фундамент теории украинской лексикографии и явился значительным шагом в её развитии.

Относительно белорусского литературного языка необходимо отметить, что как в первой, так и во второй половине XIX века во взглядах на белорусский язык не было единства: некоторые исследователи (Б. Линде, М. Максимович) считали его самостоятельным славянским языком, другие (И. Срезневский, А. Соболевский) рассматривали белорусский язык в качестве диалекта либо русского, либо польского языков. Несмотря на это, интенсивное этнографическое исследование Беларуси выявило богатое древнее письменное наследие белорусского народа, которое нуждалось в анализе и словарной систематизации.

Таким словарём стал «Слоўнік беларускай мовы» И.И. Носовича, запланированный Императорской Академией наук в качестве второй части «Опыта словаря областных наречий», но изданный в Санкт-Петербурге в 1870 г. как самостоятельный труд под названием «Словарь белорусского наречия». И. Носовичу было поручено составить словарь, который «систематизировал бы лексику живого народного языка и был бы одновременно источником для лингвистических исследований белорусского языка и пособием при чтении древних памятников письменности» [3, 60].

Это был самый полный на то время сбор лексики и фразеологии живого белорусского языка, который охватывал более 30 тысяч слов белорусской речи середины XIX века. Материалы к словарю И. Носович черпал из говоров Могилёвщины, Минщины, Гродненщины, некоторых областей Привисленского края – всего языкового ландшафта Беларуси с целью обобщения словесных ресурсов разных белорусских диалектов для формирования лексического состава белорусского языка. Широко использовалась лексика печатных источников – актов, грамот, фольклорных сборников, периодических изданий того времени. Значения слов и словосочетаний раскрываются авторскими толкованиями и цитатами из диалектного (восточнобелорусского, т. е. кривичского, ареала, который автор считал наиболее “чистым” в этногенетическом плане) либо общелитературного языка, иллюстрациями в виде пословиц, поговорок, загадок, строк из народных песен. Мифологические представления белорусов в словаре нашли отражение, в частности, в реестровых единицах – наименованиях мифических существ, персонажей из народных сказок и суеверий: *вовколак, доброхот, домовик, клетник, ледащик*. Среди реестровых единиц такого типа встречаются слова, прецедентные для белорусского этнического сознания, которые, однако, выступают в качестве лексических или грамматических вариантов названий христианских праздников: *Ганны, Змітро, Зьявене* и др. Для И. Носовича было важным не столько назвать привычные лексемы профессионального употребления, сколько передать их этнографическую аутентичность.

В работе И. Носовича имеется ряд показателей и приёмов описания

лексики, в том числе и диалектной, которые обычно реализуются в толковых словарях: наличие дефиниций, толкование реестровых белорусских слов при помощи русских синонимических пар и рядов, стилистические пометы при отдельных реестровых словах (перен., ирон., ласк., стар., филос., церк. и др.), что максимально расширило читательскую аудиторию, позволило использовать для самых разных целей (научного изучения местных белорусских слов, перевода разных белорусских текстов на русский язык, толкования отдельных этнографических явлений и обычаев). Это даёт основание утверждать, что «Словарь белорусского наречия» положил начало нормализации (кодификации) словарного состава белорусского литературного языка и является первым белорусским национальным словарём.

Нельзя не отметить разницу в количественных и качественных показателях национальных восточнославянских словарей, а также в сроках их составления и издания: по сравнению с белорусским словарём «Словарь української мови» Б.Д. Гринченко предстательнее и по реестровому количеству, и по хронологии (4 тома, около 70 тысяч слов, 1907-1909 гг.). К сожалению, «Словарь белорусского наречия» И.И. Носовича (около 30 тысяч слов, 1870 г.) хотя хронологически был издан и раньше украинского, однако охватывает только белорусскую диалектную лексику того времени. На наш взгляд, такая хронологическая и количественная «разбежка» лексикографических источников периода образования украинской и белорусской наций обуславливается разными целями составителей словарей. Словарь Б. Гринченко оказал колоссальное влияние на процесс нормализации украинского литературного языка в нескольких аспектах. Во-первых, по словам самого составителя, словарь явился «первой ступенью на пути создания *научного* украинского словаря» [цит. по: 6, 270] по причине наличия в его реестре значительной терминологической составляющей. Стоит отметить и тот факт, что многие научно-технические термины и интернационализмы были заменены собственноречными эквивалентами, что говорит о пуристических тенденциях в украинской лексикографии конца XIX – начала XX веков и о заинтересованном отношении носителей украинского языка к его лексическим и стилистическим средствам. Во-вторых, собрание в одном источнике в качестве реестровой как восточно-, так и западноукраинской диалектной лексики способствовало *объединению* общеукраинских лексических средств.

Словарь же И.И. Носовича был начат как «Опыт словаря *областных наречий*» (курсив наш – И. С.), но в процессе составления превратился в «Словарь *белорусского наречия*». По причине запоздалости складывания белорусского национального языка невозможно было отразить разветвлённую белорусскую стилистическую систему. Однако обобщение в одном источнике богатейших лексических ресурсов т. н. «наречия» дало И. Носовичу возможность подчеркнуть наличие на славянском языковом ландшафте самостоятельного славянского *языка*, а использование стилистических помет к определённым лексемам – подчеркнуть формирование национальной лексической самобытности этого языка при употреблении в разных языковых ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Германова Н.Н. Кодификация языковых норм: национально-культурные особенности (постановка проблемы) // Ежегодные международные чтения памяти кн. Н.С. Трубецкого – 2000 (17-18 апреля 2000 г.) / Под ред. В.Н. Базылева и В.П. Нерознака. – М.: МГЛУ, 2000. – С. 25-26; 2. *Горецький П.И.* Історія української лексикографії. – Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1963. – 243 с.; 3. *Гуліцькі М.Ф.* Нарысы гісторыі беларускай лексікаграфіі (XIX – пачатак XX ст.). – Мінск: Выш. школа, 1978. – 120 с.; 4. *Кульчицька Т.Ю.* Українська лексикографія XIII – XX ст. – Львів: Львівська наукова бібліотека ім. В. Стефаника НАН України, 1999. – 359 с.; 5. *Плотникова А.А.* Словари и народная культура: Очерки славянской лексикографии. – М.: Изд-во Института славяноведения РАН, 2000. – 208 с.; 6. *Русанівський В.М.* Історія української літературної мови. – Київ: «АртЕк», 2002. – 424 с.

Скопненко О. І. (Київ, Україна)

Спадщина О. Курило та Я. Льосика: до проблеми українського впливу в історії кодифікації нової білоруської літературної мови (20-і – початок 30-х рр. XX ст.)

У статті проаналізований вплив української кодифікаційної традиції на білоруську кодифікацію 20-х – початку 30-х рр. XX ст. (на прикладі праць О. Курило та Я. Льосика).

Ключові слова: нормалізація, кодифікація, історія української літературної мови, історія білоруської літературної мови, пуризм.

В статтє проаналізовано впливание української кодифікаційної традиції на белоруську кодифікацію 20-х – початку 30-х рр. XX ст. (на прикладі праць О. Курило та Я. Лёсика).

Ключевые слова: нормализация, кодификация, история украинского литературного языка, история белорусского литературного языка, пуризм.

The article analyses the Ukrainian codification influence on the Belarusian one during the 20th – early 30th of the twentieth century (on the material of O. Kurylo and Y. Liosik's works).

Key words: normalization, codification, the history of the Ukrainian literary language, the history of the Belarusian literary language, purism.

Мине якихось десять років – зовсім небагато часу – і мовознавці будуть улаштовувати вчорашній академії, різноманітні конференції, щоб згадати бурхливі й надзвичайно плідні процеси нормалізації та кодифікації української літературної мови 20-х – початку 30-х рр. XX ст. Доробок тієї доби в багатьох випадках став визначальним для теперішнього образу української літературної мови. Проте ця спадщина здебільшого й досі залишається необжитою, хоч в Україні з неї вже майже два десятиліття знято ідеологічну заборону. На жаль, навіть через 50 років після оприлюднення мусимо визнати певну рацію за словами Ю. Шевельова: «І справді, щоб подолати свою теперішню відсталість і провінційність, українське мовознавство на Україні повинне відновити свій духовий контакт з поколінням двадцятих років. Продовжувати можна й треба від здобутого тоді. Не конче з усім погоджуватися, але не можна йти вперед,